

Л.Т. Соловьева

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА У ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ: ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ОБЩЕГРУЗИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Наличие локальных вариантов в той или иной области традиционно-бытовой культуры характерно для большинства народов. Во многом это обуславливает многообразие палитры этнической культуры, определенную иерархичность ее элементов. В значительной степени это можно сказать и о грузинской традиционно-бытовой культуре, в частности о такой ее области, как обрядность детского цикла и традиции воспитания. Практически для каждой историко-этнографической провинции Грузии можно отметить ту или иную степень своеобразия этих традиций. В этом плане значительный интерес для исследователя представляет обрядность детского цикла в горных районах Восточной Грузии — Хеви, Мтиулети, Хевсурети, Пшави, Тушети. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что многие этнографы, историки, лингвисты посвятили свои работы изучению именно этих регионов Грузии. Имеются также архивные материалы на эту тему. Большой интерес представляют и иллюстративные материалы, которые зафиксировали здесь бытование тех или иных традиций воспитания, а также позволяют увидеть особенности материальной культуры и хозяйственных занятий местного населения. В этом отношении большую ценность представляют фотоколлекции Е.М. Шиллинга (1892–1953) и Л.Б. Панек (1896–1984), а также некоторые другие, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН. На этих фотографиях (в основном они сделаны в Хевсурети, Мтиулети, Хеви) можно увидеть реалии конца 1920–1930-х годов: общий вид селений, жилые дома и хозяйственные постройки, святилища и культовые строения (*хати*, *джвари*), *самревло* — специальные помещения, где женщины находились в период менструации и после родов, занятия детей, особенности детской одежды и т.д.

Фотографии из рассматриваемых коллекций позволяют представить, как выглядели селения и жилища грузин-горцев в различные периоды времени и как они изменялись. На фотографии Д.А. Никитина второй половины XIX в.

Рис. 1. Хевсурское семейство перед саклею. Отпечаток.
Фото Д.А. Никитина. МАЭ. Колл. № 121-63

можно видеть группу женщин и детей у входа в жилище, выстроенного из толстых бревен (рис. 1). Собирателем коллекции 121, которая содержит материалы и по другим регионам Грузии, был Михаил Николаевич Романов, великий князь, наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией.

Селения грузин-горцев первых десятилетий XX в. можно увидеть на фотографиях из коллекций, собирателями которых являются Е.М. Шиллинг и Л.Б. Панек: это трехэтажный дом в хевсурском селении Шатили (рис. 2), общий вид того же селения (рис. 3), традиционные жилища с плоской кровлей в хевсурском селении Кобуло (рис. 4), улица в мтиульском селении Земо Млета (рис. 5), дом нового типа с балконами и железной крышей в селении Млета (рис. 6), летний дом с сеновалом в хевсурском селении Бучукурты (рис. 7).

Характерными особенностями родильной обрядности в горных районах Восточной Грузии (Мтиулет, Хевсурети, Пшави, Тушети) было то, что здесь женщина рожала вне жилого помещения, а часто и вне села, в специально построенном помещении или в хлеву, в большинстве случаев без посторонней помощи. Об этом сообщали еще авторы XVIII в. Так, Давид Багратиони отмечал: «Тушинцы, хевсурцы и пшавцы не позволяют женам своим родить в домах, а в последние минуты перед родами выводят беременную женщину за деревню в особое строение, недалеко от деревни, и там оставляют ее до 40 дней по разрешению. Во все сие время приносят ей пищу и кладут оную близ ее места, почитая такую женщину нечистою» [Багратиони 1971: 40]. Вахушти писал

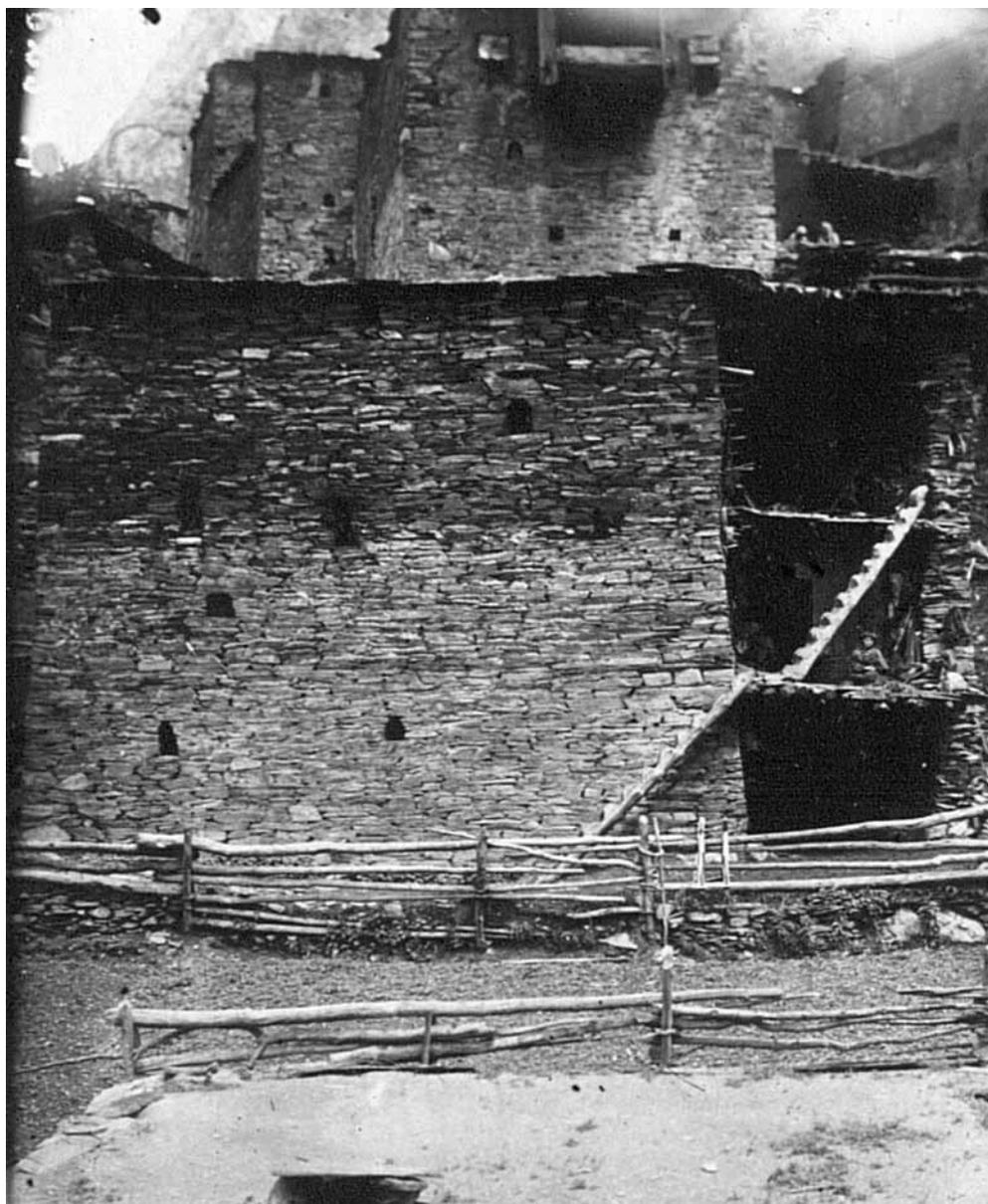

Рис. 2. Трехэтажный дом. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-11

о тушинах: «Они в битвах смелы, отважны, сильны, воины превосходные, но неотесанны, невежественны. Ибо, когда у них рождает женщина, никто не прикасается к ней, но оставляют ее вдали одну и только после родов чрез 40 дней приводят ее домой вместе с рожденным» [Вахушти 1904: 132].

Повсеместно этому обычаю давалось объяснение, основанное на народных представлениях о сакральной чистоте: роженица считалась существом чрезвычайно «нечистым», присутствие ее оскверняло дом, что вызывало гнев джвари и ангела, охраняющего дом (*сахлис ангелози, бодзис ангелози*). Это грозило бедами всему селу, поэтому обычай строго исполнялся. В отдельных областях

Рис. 3. Хевсурия — общий вид селения Шатели. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-9

горной Восточной Грузии родильная обрядность различалась степенью сохранности ее традиционных форм. В наиболее архаичной форме родильная обрядность бытовала у хевсур. Остановимся на ней подробнее.

В Хевсурети женщина рожала в специальной хижине, построенной около *самревло* (от груз. «са-миреуло» — «для нечистых»; каменное строение, где находились женщины в период менструации). Она называлась *кохи* или *сачехи*, в ней мог поместиться только один человек, и то не выпрямляясь в полный рост. Обычно *кохи* строили из камня без скрепляющего раствора, потолок делали из тонких бревен и соломы; иногда ее сооружали из трех соединенных верхушками столбов, боковые промежутки между которыми закрывались соломой [ЦИАГ. Ф. 493. Д. 846. Л. 33; Радде 1881: 78; Чинчараули 1960: 301].

Рис. 4. Селение Кобуло — традиционные жилища (сакли).
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-20

Рис. 5. Улица в селении Земо Млета. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-43

Рис. 6. Общий вид селения Меджелаури. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-48

Рис. 7. Сакли. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-138

Женщину в *кохи* провожала свекровь или другая родственница или же соседка. С собой она брала все необходимое: старую одежду, посуду, пеленки для ребенка, в которые для защиты от нечистых сил клали куски хлеба и сыра, уголь, оружие, ружейную гильзу с пулей и порохом. Считалось, что женщине Богом предписано рожать на соломе, иначе роды затруднятся. В обоснование этого рассказывали такое предание: Солнце вернулось домой невеселым и сказало матери, что на земле одна женщина мучается три дня и никак не может родить. Мать спросила, где находится роженица. «В доме, лежит на ковре, вытканном золотом, и ее окружает народ», — ответило Солнце, и услышало совет: надо построить *кохи* из камня, покрыть ее соломой и внизу постелить солому, пусть женщина войдет туда одна — и сразу же родит. После этого хевсуры и ввели у себя этот обычай [Балиаури 1938: 162; Тедорадзе 1941: 156].

Женщина находилась в *кохи* одна, но ее подруги из *самревло* подходили к хижине, давали необходимые советы: запрещали ложиться, наклоняться на бок, чтобы не повредить ребенку. По убеждению хевсурок, чтобы легче родить, надо было стоять на коленях. Иногда к потолку *кохи* привязывали веревку, за которую роженица могла держаться.

При трудных родах женщине давали горячего молока, араку, керосин, стреляли, чтобы напугать роженицу и отогнать злых духов, прибегали к помощи человека, спасшего лягушку от змеи, — он должен был бросить горсть земли на *кохи* и произнести известную формулу, обращались с молитвами к святилищу. Если роженица очень ослабевала, в *кохи* входила опытная женщина-помощница (*дамхмаре*). Определив, что ребенок рождается неправильно (ножками вперед), она подвешивала роженицу ногами к потолку, чтобы лопатками та лежала на соломе, или взваливала ее к себе на спину ногами вверх — считали, что в результате этого ребенок «вернется назад» и будет рождаться правильно [Радде 1881: 74; Эристов 1885: 114; Балиаури 1938: 24–25; Макалатия 1940: 154].

Все боли женщине полагалось переносить молча, кричать, по мнению хевсурок, было совершенно недопустимо. Если из *кохи* доносились стоны или роженица, ослабев, не выполняла даваемых ей советов, другие женщины, особенно ее родственницы, упрекали ее: «Что же ты делаешь, зачем нас позоришь, зачем срамишь нас в народе?...» О женщине, которая «недостойно» вела себя в *кохи*, впоследствии могли с осуждением сказать: «Когда она рожала ребенка, то блеяла подобно козе, а когда лежала с мужем — смеялась и хохотала». Поэтому нередко сама роженица просила, чтобы никто не приближался к *кохи*, не слышал ее стонов. К тому же считалось, что другие женщины могли ее «сглазить» и этим «связать», затруднить роды. Рождение детей считалось обычным женским делом, надо было терпеливо переносить все сопровождавшие его трудности. Если женщина не проявляла при этом необходимого мужества — ее осуждали. Как гласила хевсурская пословица, «мужчину испытывает меч, а женщину — кох-самрело». Как отмечали исследователи, «изумительная выносливость хевсурской женщины, ее твердость воли, умение владеть собой проявляются в этих случаях с совершенно исключительной силой» [Тедорадзе 1941: 157; Балиаури 1938: 23, 26, 81].

Даже если женщине помогала *дамхмаре*, она удалялась сразу после рождения ребенка. Роженица сама отрезала ножницами пуповину, перевязывала ее

шерстяной ниткой, пеленала ребенка. Перед этим она купала ребенка в холодной воде, чтобы он лучше переносил холод, или просто брызгала на него изо рта водой. Затем мать поднимала ребенка под платьем и вынимала через ворот платья. Большим бесстыдством (*унамусоба*) считалось, если женщина не поступала таким образом. Видимо, с этим обычаем было связано правило, по которому до рождения ребенка женщина не имела права расстегивать верхнюю часть платья (*садиацос параги*) — она застегивалась наглухо и служила символом женской чести [Макалатия 1940: 154; Тедорадзе 1941: 123].

Послед женщина зарывала в *кохи*, набрасывая сверху камни, чтобы собаки не смогли его отрыть. Ее издалека спрашивали, кто родился, мальчик или девочка, и сообщали об этом члену семьи, ожидавшему поблизости, или посылали родственникам вестника. Рождение мальчика вызывало ликование семьи, вестнику дарили дорогой подарок — теленка, ягненка, что-нибудь из одежды. Весть о рождении девочки встречали с неудовольствием, особенно если в семье уже были дочери. *Махаробели* («вестник радости») шел сообщать об этом с неохотой, говорил: «Она родила девочку, пусть Бог вырастит девочку, даст женщине мальчика» [Балиаури 1938: 32, 82–83].

Родильная обрядность других горных районов, по материалам XIX в., была аналогична хевсурской. Так, в Пшави женщина рожала в сарае, в буйволятнике, или же муж строил специальную *кохи* вдали от дома, где женщина рожала без посторонней помощи [Важа Пшавела 1964: 10–11; Эриксон 1902: 61]. В Тушети, по данным 1840-х годов, «несмотря ни на болезнь, ни на дурную погоду» беременную женщину уводили из дома, роды проходили в *кохи*, а если таковой не имелось — под открытым небом. Специальной повитухи не было, но кто-нибудь из женщин наблюдал за роженицей. В случае затруднения бросали жребий, и одна из старух шла помогать. У пшавов около роженицы также находился наблюдатель, чтобы при необходимости помочь ей. Тех, которые рожали впервые, предварительно наставляли, как поступать в том или ином случае. Каждая мать заранее обучала этому дочерей [Цискаров 1849; Тедорадзе 1941: 44–45; Утургаидзе 1960: 93; Гигинейшвили и др. 1961: 105].

В Мтиулети роды проходили в *босели* — маленькой хижине, построенной недалеко от дома из камня сухой кладкой, без окон. Заранее женщина относила туда все необходимое (посуду, продукты, солому), привязывала к потолку веревку. Обычно женщина рожала одна, лишь в трудных случаях ей помогали свекровь или другая женщина, тоже становившиеся после этого «нечистыми». К началу XX в. подобные босели сохранялись главным образом только в Гудамарском ущелье [Панек 1930: 251; Кайшаури 1978: 61].

К 1920-м годам в большинстве горных районов родильная обрядность изменилась. Так, в основном исчезло обыкновение строить *кохи* — женщина рожала чаще всего в хлеву или в другом хозяйственном помещении. Если поблизости не было святилища, то пользовались тем хлевом, который находился рядом с домом. Например, в Мтиулети жители с. Ципори в конце XIX в. переселились в Чабарухское ущелье, где они уже не строили специальные босели, используя вместо этого хлев. В некоторых районах (Мтиулети, у тушин, переселившихся на равнину) допускалось уже, чтобы женщина рожала в жилом помещении. Мужчины на это время уходили и возвращались только после того,

как священник «освящал» дом [ЦИАГ. Ф.1753. Д. 120. Л. 22; Панек 1930: 252; Макалатия 1930: 121; Бардавелидзе 1928: 237].

Роды в условиях изоляции (в хлеву, в специально построенном помещении) не были явлением исключительным, характерным только для районов Восточной Грузии: этот обычай был известен многим народам мира. С одной стороны, в основе его лежало представление о «нечистоте» женщины в период родов, с другой стороны, как отмечал М.О. Косвен, изоляция роженицы была одним из проявлений экстерриториальности замужней женщины в доме мужа в период патрилокального брака [Косвен 1961: 90; Чурсин 1913: 112]. Интересно в связи с этим отметить, что столь строгой изоляции роженицы не было в тех районах, где существовал обычай ухода ее для первых (некогда, возможно, и для всех) родов в дом родителей.

По данным середины XIX в., роженица у хевсур должна была месяц прожить в хижине, где она родила, а затем переходила в *самревло*, где оставалась еще две недели «для очищения себя от всякия скверны» [Эристов 1855: 114]. В 1880-е годы женщина жила в *кохи*, как правило, не более 3–6 дней, после чего 6–7 недель находилась в *самревло*. В конце XIX — начале XX в. пребывание в *кохи* ограничивалось уже тремя днями, поскольку роженицу только в первые три дня после родов считали «особенно нечистой». В некоторых селах встречались и отличия от указанного порядка. Так, в селении Амга (Архотская община) женщина рожала в шалаше из сосновых веток (*гавараис кохи*), через три дня переходила в хижину *сакохо*, специально построенную для рожениц этого села, жила там две недели, после чего могла переселиться в *самревло* [Радде 1881: 74; Хизанашвили 1940: 31; Тедорадзе 1941: 156; Балиаури 1938: 16].

Пребывание в *кохи* было наиболее трудным временем для матери и ребенка, особенно зимой, так как там нельзя было разводиться огонь: для этого не было места, к тому же могла загореться солома, покрывавшая хижину. Случалось, что крышу срывало ветром и женщина оказывалась под открытым небом. Тем не менее ранее трех дней ее не пускали в *самревло*. Это было бы нарушением «хевсурского закона» — *рджули*. В сильные холода приносили побольше соломы, чтобы роженица ею укрылась. Ребенка она пеленала в шерстяные тряпки и клала себе за пазуху, чтобы он не простудился.

После родов женщине приносили выпить чего-нибудь горячего — молока, воды. Холодную воду пить запрещалось. Считали, что это может привести к смерти. Если женщину беспокоили боли в животе, ей советовали выпить водки. В остальном ее кормили обычной пищей. Еду подавали, по словам М.В. Мачабели, «как прокаженной, на лопате», или же завязывали в сверток и протягивали на длинной палке, «считая за нечестие» прикоснуться к роженице, Воду лили по желобу через отверстие в крыше хижины [Зиссерман 1851; Мачабели 1887: 344; Макалатия 1940: 155; Камараули 1929: 91; Балиаури 1938: 85–88].

Во время пребывания в *кохи* женщине советовали не спать, чтобы не задавить во сне ребенка, чтобы «мучения ее не пропали даром». Подобное случайное убийство ребенка не наказывали, считая, что так было «предписано судьбой», но иногда все же упрекали женщину, если та не уберегла ребенка, говорили: «Убийцу ребенка и на тот свет не пустят». Спать в *кохи* разрешалось только сидя, прислонившись спиной к стене. С боков женщина подкладывала

солому, чтобы не упасть во сне, и не обнимала ребенка, лежавшего за пазухой, чтобы случайно не задушить его. Ночью, когда, по народным представлениям, было больше «злых духов» и черт (*эшмаки*), усыпляя роженицу, соблазнял ее убить ребенка, нужна была особая осторожность. Поэтому женщина старалась спать днем, когда черт не мог ее «искушать». Если же ее все же одолевал ночью сон, роженица думала, что это все козни черта и молилась божествам, главным образом Хахматскому джвари, не подпускать к ней нечистую силу (*упери, мавне мацили, эшмаки*) [Балиаури 1938: 91–94].

Роженица во время пребывания в *кохи* и в *самревло* считалась настолько «нечистой», что ей запрещалось молиться главным *джвари* (святилищам отца, мужа, свекра) и даже называть их имена. Она имела право обращаться только к Хахматскому джвари, к Богородице (Матери Мариам) и к Богу — создателю материнства (*дедашвилоба*). Например, к Хахматскому святилищу она могла обратиться с такой молитвой: «Благословенный великий Хахматский джвари Георгий, сестрицы Георгия: Самдзимари, Мзекала, Ашекали, если даже я обидела вас своим упоминанием, благословенные, вы помогите мне. Великая Самдзимар, владелица ожерелья, в золотом платье, ты помоги мне, благословенная, посредница богов. Ты — помощница и исцелительница рожениц и женщин, находящихся в самревло. Ты помоги мне, благословенная, ты укрой меня подолом платья, удали от меня, благословенная, нечистого. Поставь мне, благословенная, охрану» [Балиаури 1938: 92]

Для защиты от нечистых сил использовались различные обереги: оружие (сабля, кинжал), ножницы, уголь. Какие кинжалы бытовали у грузин Хевсурети, их можно видеть на фотографии Е.М. Шиллинга, сделанной в 1938 г. в селекции Акушо (рис. 8). Из того же селения в его коллекции имеется фотография меча и щита (рис. 9).

Особо действенными считались сабля «с волосом каджи» (*каджис тмиани хмали*), т.е. имевшая на рукояти извилистый узор, и кинжал, которым когда-либо убили человека. Ночью роженица клала саблю в головы, кинжал прислоняла к дверям: «черт не сможет войти». Днем, выходя из *кохи*, клала саблю возле ребенка, бросала рядом с ним угли, говоря при этом: «Осеняю тебя крестом, да не завладеет тобой злой дух». Себе за пазуху она тоже клала угли. Вечером женщины из *самревло* рассыпали угли вокруг *кохи*, чтобы нечистые силы не подходили близко. Роженица ни в коем случае не выходила ночью из *кохи*, поэтому все необходимое ей приносили до захода солнца. Особенно опасными считались первые дни после родов, так как в это время, когда роженица была наиболее «нечиста», божества-покровители не могли приблизиться к ней, издавна же они были не в состоянии бороться со злыми духами [Бардавелидзе 1928: 238; Балиаури 1938: 19, 100].

Если у женщины родился мальчик, принимали и другие меры предосторожности. Около *кохи* ночью ложился кто-либо из родственников ее мужа или сам муж, если он не был особенно молод. Главным образом так поступали, когда рождался «желанный» (*саманатуро*) сын, т.е. поздно появившийся у бездетных супругов или родившийся после нескольких девочек. По убеждению хевсур, черти боялись мужчин, ибо те находились под покровительством святилищ, и в их присутствии не осмеливались приближаться к *кохи*. Иногда считалось

Рис. 8. Кинжалы. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-95

достаточным, если мужчина клал на ночь около *кохи* заряженное ружье [Макалатия 1940: 155; Демидов 1930: 58].

При рождении мальчика свекор, свекровь и другие члены семьи роженицы постоянно молились о благополучии матери и ребенка. Если роженица видела дурной сон (например, козу, страшную старуху, слышала кудахтанье кур), что считалось признаком приближения «нечистых сил», она сообщала об этом

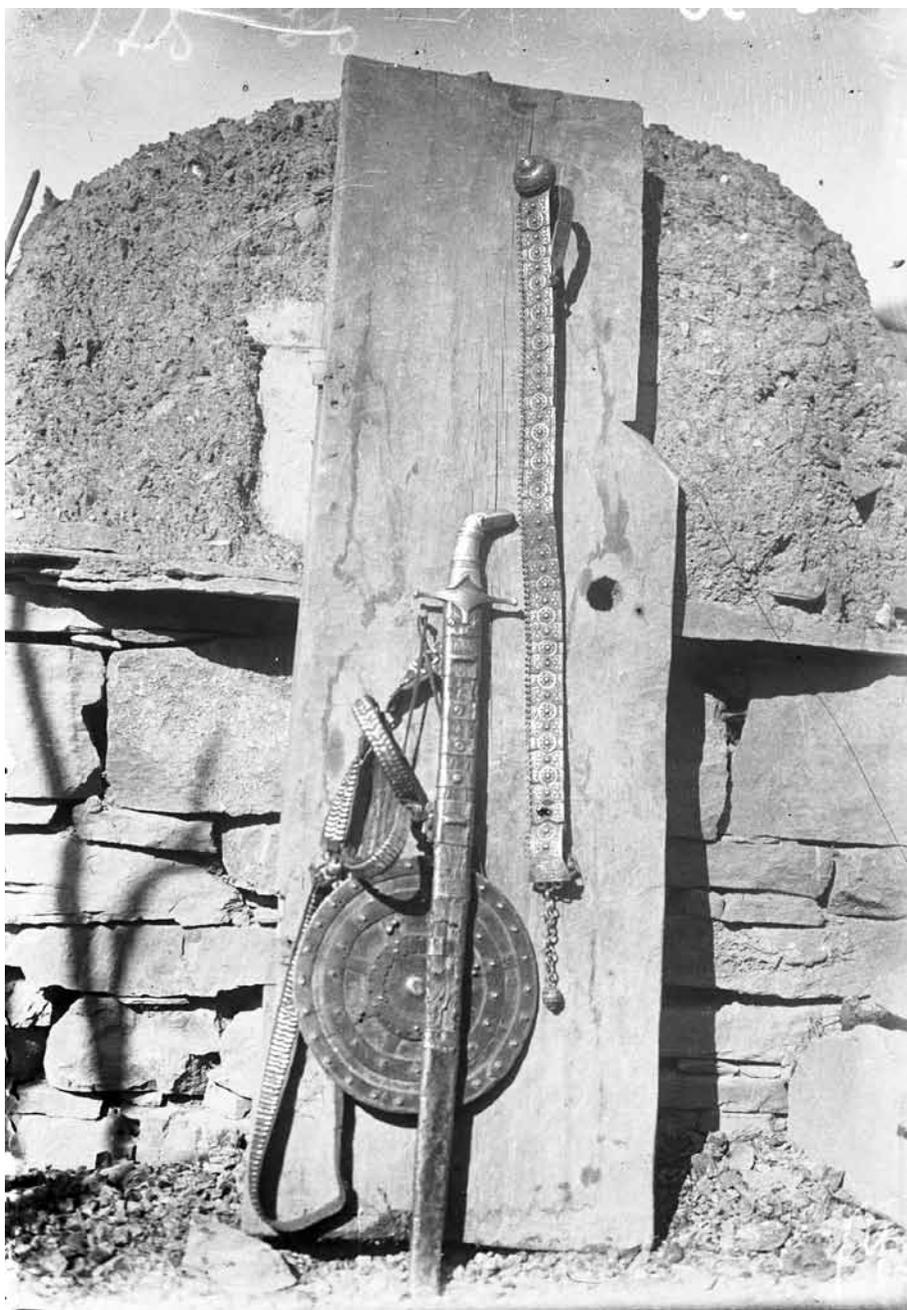

Рис. 9. Меч и щит. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-96

родным и те давали обет принести в святилище жертву «за помощь» (*самешло*). В фотоколлекциях Л.Б. Панек и Е.М. Шиллинга имеются несколько изображений святилищ (*джвари, хати, ниши*), которые почитались в горных районах Восточной Грузии: святилище близ с. Муко (рис. 10), хевсурское святилище близ селения Гвелети (рис. 11), ниши — место для моления — возле мтиульского селения (рис. 12), святилище на склоне горы у селения Шатили (рис. 13).

Рис. 10. Святилище близ селения. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-116

К сожалению, в большинстве случаев не указывается, каким святым были посвящены эти святилища. Е.М. Шиллингу удалось запечатлеть в хевсурском селении специально оборудованное место, где гнали араку, без которой не обходилось ни одно моление (рис. 14), а Л.Б. Панек — то, как верующий грузин приносит бескровную жертву — хлеб и сыр — в *хати* св. Тевдоре (рис. 15).

Если рождалась девочка, для ее защиты ограничивались обычно оберегами и краткими молитвами: по убеждению хевсур, нечистая сила враждебно относилась в основном только к мальчику и матери мальчика, как говорили, «девочкой и *упери* не прельстятся», «если бы *упери* враждовали с женщинами, столько бы их не рождалось». Девочку не старались охранять еще и потому, что не столь высоко ценили ее и не так дорожили ею, как мальчиком. «Она девочка, пусть хоть растет, хоть умирает», — говорили в этом случае [Балиаури 1938: 116–118].

В том, что молодому мужчине не разрешалось охранять свою жену в *кохи*, видимо, отразились сохранявшиеся в Хевсурети обычаи избегания между супругами. По обычаю, мужчина не должен был проявлять интереса к происходящему с его женой. Во время родов ему не полагалось расспрашивать, как та себя чувствует, кто родился. Если же он обнаруживал свое беспокойство о жене — весть об этом разносилась по селу, вызывая насмешки. Заботиться о жене сына в этот момент было обязанностью свекра — он посылал женщин узнать, как обстоят дела у невестки, молился о ее спасении. Мужу даже не полагалось проходить около *кохи* и *самревло*. С поздравлениями по случаю рождения мальчика также обращались не к отцу ребенка, а к деду. Такой же порядок существовал и в Тушети. Как сообщает И. Цискаров, «отец, узнав о рождении

Рис. 11. Святилище близ селения. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-101

сына, стыдится изъявить свою радость даже между приближенными и друзьями, а, напротив, должен казаться серьезнее обыкновенного» [Тедорадзе 1941: 158; Балиаури 1938: 83, 90; Цискаров 1849].

Через три дня после рождения ребенка женщина переходила из *кохи* в *самревло*. В Пиракет Хевсурети (часть Хевсурети на южных склонах Главного Кавказского хребта) обычно в каждом доме имелось свое *самревло*, недалеко от

Рис. 12. Ниши — место для моления. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-58

дома. В Пирикит Хевсурети (северная часть Хевсурети), где ситуация была более тревожная, строили в целях безопасности общие *самревло*, по одному-два в селе, большего размера. Пользовались ими семьи, принимавшие участие в их постройке. *Самревло* представляло собой низкое строение из шиферных плит на сухой кладке, с земляной крышей. Дверь *самревло*, как правило, была обращена к селу, также в целях безопасности.

Рис. 13. *Хати* — святилище. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-13

Для перехода в *самревло* совершалась очистительная церемония: женщина мылась в теплой воде (иногда в нее добавляли святую воду), меняла одежду, купала ребенка, завертывала его в чистые пеленки. Старую одежду и посуду мыла в реке — «вода смоем нечистоту и скверну». Затем женщина относила ребенка в *самревло*, а сама шла разрушать *кохи*: сжигала или забрасывала камнями *салогине* — солому, на которой спала, разрушала стены. Солому сжигали лишь в том случае, если дым от нее не мог осквернить сельские святилища. Кроме того, женщина кропила святой водой дорогу, по которой ходила к роднику за водой [Радде 1881: 75; Бардавелидзе 1928: 249; Тедорадзе 1941: 156; Баблиаури 1938: 107].

Рис. 14. Устройство для приготовления араки. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-46

Рис. 15. Верующий грузин, приносящий хлеб и сыр в хату Св. Теодорэ.
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-60

При входе роженицы в *самревло* женщины, находившиеся там, благословляли ее, поздравляя с благополучным «уходом из *кохи*». Считалось, что в *самревло* мать и ребенок в большей безопасности от нечистых сил, тем более что и условия пребывания там были не так тяжелы, как в *кохи*. Это было сравнительно теплое помещение, там можно было разводить огонь. К тому же роженица была уже не в одиночестве.

После перехода в *самревло* женщину приходили навестить родственницы и подруги. Они приносили ей *када* — пирог с начинкой из муки и масла (*хавициани када*) или из сыра и мяса (*кадис квери*), а также одну лепешку (*кубати*) на «долю младенца», говоря: «Када матери и кубати младенцу, да не будет он обречен быть без доли». Навестить роженицу считалось обязанностью всех, кто поддерживал с ее семьей родственные и дружеские отношения. По этому поводу говорили: «Кто не пришел во двор *кохи* (т.е. в *самревло*) и не поздравил со спасением и рождением ребенка, поступил как враг, а не как друг». Обычно пирог, испеченный на масле, приносили только матери мальчика, если же родилась девочка — простой ячменный хлеб [Макалатия 1940: 155; Тедорадзе 1941: 158; Балиаури 1938: 110–111, 119]. Уникальную фотографию, на которой запечатлено *самревло*, удалось сделать Л.Б. Панек в окрестностях с. Шатили: на ней мы видим капитальное строение из камня, рядом с которым сидят три женщины, занимающиеся рукоделием (рис. 16).

Родственники обязаны были также прийти с поздравлениями в дом новорожденного, принести гостинцы — *масанави*: бурдюк араки и большой

Рис. 16. *Самревло* — женский дом. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-17

пирог. Кроме того, для детей приносили лепешки, одна из которых предназначалась специально для новорожденного. Число поздравлявших было большим в том случае, если рождался мальчик. Подобные поздравления (*масанахавис мотана* — «принесение масанахави») можно было делать в течение года, особенно если родственники жили далеко. Поздравления обычно начинались после возвращения женщины из *самревло*, однако если рождался долгожданный мальчик, то близкие родственники не ожидали ее возвращения и спешили поздравить семью. В честь каждого поздравителя (*мемасанахаве*) в доме устраивали угощение, произносили здравицы в честь новорожденного и его семьи [Очаури 1980: 6–8].

В течение двух недель роженица считалась «более нечистой», чем другие находившиеся в *самревло* женщины, и держалась в стороне от них, за водой ходила по особой дороге, отмеченной камнями. Ей не разрешалось класть свои вещи на ограду или на крышу *самревло*. «Нечистой» считалась и вся ее семья: в их дом не заходили служители джвари, мужчины этой семьи также не подходили к святилищу. Через две недели для очищения семьи устраивали обряд *сахлис санатлави* — освящение дома. В этот день служитель джвари на крыше дома приносил в жертву ангелу дома овцу, кровь при этом собирали в две чаши. Одна из женщин брала чашу с кровью и пучком травы освящала (т.е. кропила) те места в доме, где ходила женщина перед уходом в *кохи*, дорогу, по которой ходили навещать роженицу в *самревло*, посуду, в которой носили ей еду. Оставшуюся кровь несли роженице, и она кропила кровью внутри *самревло* и вокруг него места, куда она ходила за водой, где стирала и сушила одежду, а также свои вещи и посуду¹. Затем она мылась, купала ребенка, надевала чистую одежду, меняла солому, на которой спала. После этого роженица пользовалась в *самревло* теми же правами, что и остальные женщины.

В доме роженицы также все мылись, надевали чистую одежду. Затем совершался очистительный обряд *хелебзе асхма* (от груз. *хели* — «рука», *асхма* — «нанизывать»). Все участники обряда стояли, держа в руках *када* и зажженные свечи. Старший мужчина семьи или служитель джвари произносил соответствующую молитву, обращаясь к ангелам-покровителям всех присутствующих по очереди. На исполнение обряда приглашали и женщину, помогавшую роженице в *кохи*, подносящую ей еду, а также соседку, которую нанимали для исполнения работ по дому на то время, пока хозяйка отсутствовала, т.е. тех, кто соприкасался с роженицей и членами ее семьи в этот период и, следовательно, был в какой-то мере «осквернен». Особенно «нечистой» считалась женщина, помогавшая при родах. В течение двух недель ей запрещалось подходить к святилищу, подниматься на крышу дома. Поэтому, помимо участия в обряде *хелебзе асхма*, она должна была омыть руки кровью жертвенного животного, на лбу ей кровью чертили крест. В качестве вознаграждения ей полагалось дать дойную корову, что было узаконено хевсурским обычным правом. Если не могли дать корову, то давали овец, ковры, медь в соответствии со стоимостью коровы.

¹ В быту хевсур «освящение кровью» (сисхлит ганатвла) было универсальным очистительным обрядом в случае осквернения, например дома после смерти человека и др. См.: [Бардавелидзе 1949: 127].

После обрядов *сахлис санатлави* и *хелебзе асхма*, исполнявшихся одинаково в случае рождения девочки и мальчика, семья считалась «чистой», все ограничения для ее членов отменялись [Хизанашвили 1940: 30; Бардавелидзе 1928: 243; Тедорадзе 1941: 157; Балиаури 1938: 29–30, 131–139].

Только в течение трех дней, находясь в *кохи*, женщина не работала. Перейдя в *самревло*, она сразу же начинала заниматься рукоделием, ни минуты не оставаясь без дела. Чем больше она успевала сделать за это время, тем большей похвалы заслуживала от родственниц и соседок. Она пряла, вязала, шила женскую одежду (после *сахлис санатлави* — и мужскую). Не разрешалось только трепать шерсть, так как для этого надо было ставить чесалку на землю и придерживать ее коленями, а это «оскверняло» и шерсть, и чесалку. Необходимость уделять немало времени изготовлению домотканой материи и шитью одежды была связана с тем, что это был довольно трудоемкий процесс, к тому же много времени требовалось для украшения и мужской, и женской одежды вышивкой, аппликацией и т.д. Судя по представленным в фотоколлекциях МАЭ снимкам, до начала 1940-х годов грузины-горцы, особенно хевсуры, в основном носили традиционную одежду. Об этом, в частности, можно судить по фотографиям Е.М. Шиллинга конца 1930-х годов, на которых запечатлена группа хевсур у дома (рис. 17) и женщина из селения Рошка (рис. 18). На фотографиях Е.М. Шиллинга из селения Бло, на которых сняты девушка с мальчиком в традиционных костюмах (у мальчика на поясе даже имеется настоящий кинжал; рис. 19), из селения Чардили, на которых мальчик и девочка стоят во дворе дома (рис. 20), а также на фотографии матери с ребенком Л.Б. Панек (рис. 21) видно, что одежда для детей с 5–6 лет у хевсур изготавливалась в полном соответствии с традиционными нормами и практически не отличалась от одежды взрослых. Малолетним же (2–3 года), как это видно по фотографии Л.Б. Панек из Мтиулети (рис. 22), полный комплект одежды еще не полагался, и они могли в теплое время года ходить в одной рубашке.

После освящения дома женщина принимала участие и в полевых работах (жатва, сенокос), при условии, что работала она отдельно, вдали от мужчин [Балиаури 1938: 141–142].

В *самревло* женщина оставалась от четырех до шести недель. В начале XX в. зачастую ограничивались четырьмя неделями. Уходя домой, она тщательно «очищала» все свои вещи, одежду, изготовленное рукоделие. Что можно было выстирать — стирала, остальное опрыскивала изо рта водой (это называлось *шапхукэба*), все вытрясала (*гамоцкена*), проносила над огнем со словами: «Огонь, дай твою чистоту» (*матусва* — «опаливание»). Окончив эти приготовления, женщина мылась, меняла одежду, купала ребенка. В это время в доме приносили в жертву ягненка или теленка (обычно их брали из приданого самой женщины), кровью кропили столбы и стены дома, после чего дом считался окончательно освященным.

Возвратившись домой, женщина до истечения девяти недель со времени родов должна была находиться в коровнике, а летом — в нижнем этаже дома (*дзирис твал*), так как летом мужчины жили на верхнем этаже (*черхо*), т.е. она не могла «войти в общество мужчин». Женщине также запрещалось печь хлеб, подходить к джвари, говорить с его служителями. Спустя девять недель после

Рис. 17. Группа крестьян у дома. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-40

родов все члены семьи вновь купались, меняли одежду и совершали обряд *хелебзе асхма*. Роженица должна была «освятиться»: мыла руки кровью жертвенного животного, на ее лбу, груди и плечах кровью чертили кресты. Таким образом, только через девять недель после родов женщина считалась полностью «очистившейся», и ее жизнь вступала в обычное русло [Бардавелидзе 1928: 250; Хизанашвили 1940: 30; Макалатия 1940: 156; Балиаури 1938: 148–154].

В других горных районах Восточной Грузии послеродовой период характеризовался в основном теми же чертами, что и в Хевсурети, но вместе с тем имел и некоторые особенности, как по своей продолжительности, так и по строгости сопровождавших его ограничений. Так, в Пшави в 1850–1880-е годы женщина проводила в *кохи* 40 дней, или семь недель, затем еще две недели — в *самревло*. В конце XIX — начале XX в. она должна была провести в *кохи* две недели, после чего переселялась в хлев, или — если роды проходили в хлеву — жила там все семь недель. В 1920-е годы, когда роды зачастую уже проходили в хлеву, в кладовой или нежилой комнате, женщина проводила там обязательные 5–7 недель. Мать роженицы, ее родственницы и соседки приходили навестить ее, приносили угощение — это называлось *суприс митана* [Важа Пшавела 1964: 10–11, 351; Макалатия 1934: 145; Эристов 1855: 114; Худадов, Демидов 1928: 34].

У грузин Тушети в конце XIX в. женщина должна была прожить вне дома (в специальной *кохи*) два месяца, или девять недель. В течение этого времени раз в неделю она ходила к реке, где мылась, купала ребенка, стирала одежду. По завершении этого срока женщина возвращалась в дом, но до исполнения

Рис. 18. Женщина в традиционном костюме (фас).

Негатив на стеклянном носителе. Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-75

12 недель не имела права подниматься на верхний этаж. Обязательным считался обряд освящения дома (*ганатлиэба сахлиса*), выполнявшийся служителем святилища, поскольку, по представлениям тушин, в результате такого события, как рождение ребенка, дом наполнялся «скверностью» и требовал «очищения молитвой и водосвятием».

Рис. 19. Девушка с мальчиком в традиционных костюмах (фас).
Негатив на стеклянном носителе. Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-82

По более поздним данным С.И. Макалатия, в *кохи* женщина должна была провести четыре недели, после чего ее освящал священник и она возвращалась домой. У тушин, переселившихся на равнину, в начале XX в. роды проходили уже в жилом помещении. Если женщина чувствовала себя хорошо, не принято было, чтобы она находилась в постели больше недели. Той невестке, которая

Рис. 20. Во дворе дома. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-74

не торопилась вставать после родов, старшие женщины семьи могли сказать: «Что, раз ребенка родила, и вставать не надо?» Поднявшись, роженица могла выполнять все работы по хозяйству. Были лишь некоторые ограничения: до завершения четырех недель ей запрещалось печь хлеб и покидать пределы села.

Родственницы и соседки, приходя поздравить роженицу, приносили угощение: *катори* (тушинский хачапури), *эрбоан ква* — кашу из ячменной поджарен-

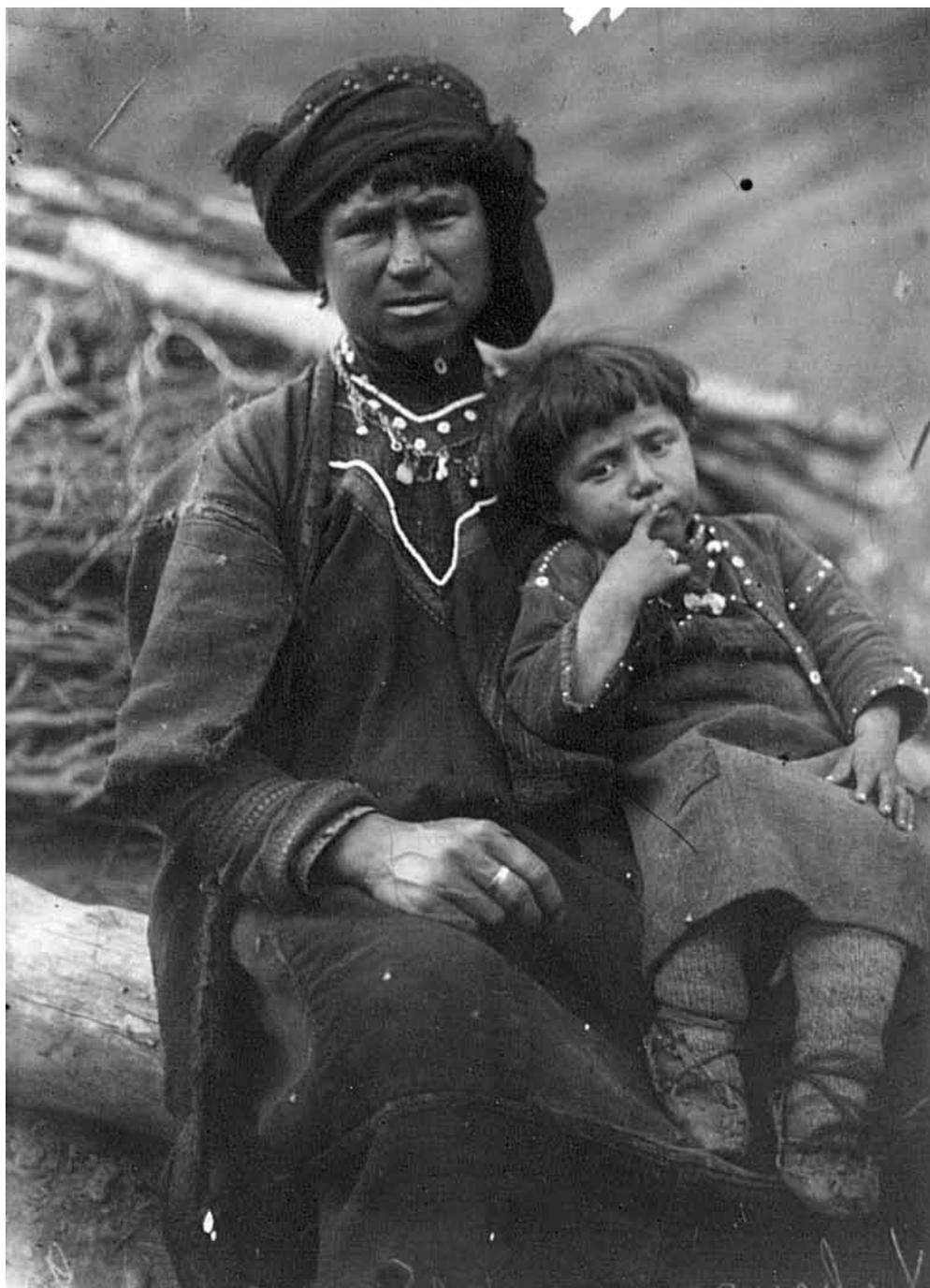

Рис. 21. Женщина с ребенком. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-25

ной на топленом масле муки, для ребенка в подарок приносили носки, ткань на платье (*сакабо*) — для девочки, на рубашку (*сахалато*) — для мальчика [Цискаров 1849; Хаханов 1889: 45; Макалатия 1933: 161; Утургаидзе 1960: 93; Гигинейшвили и др. 1961: 105; Хубутия 1969: 79].

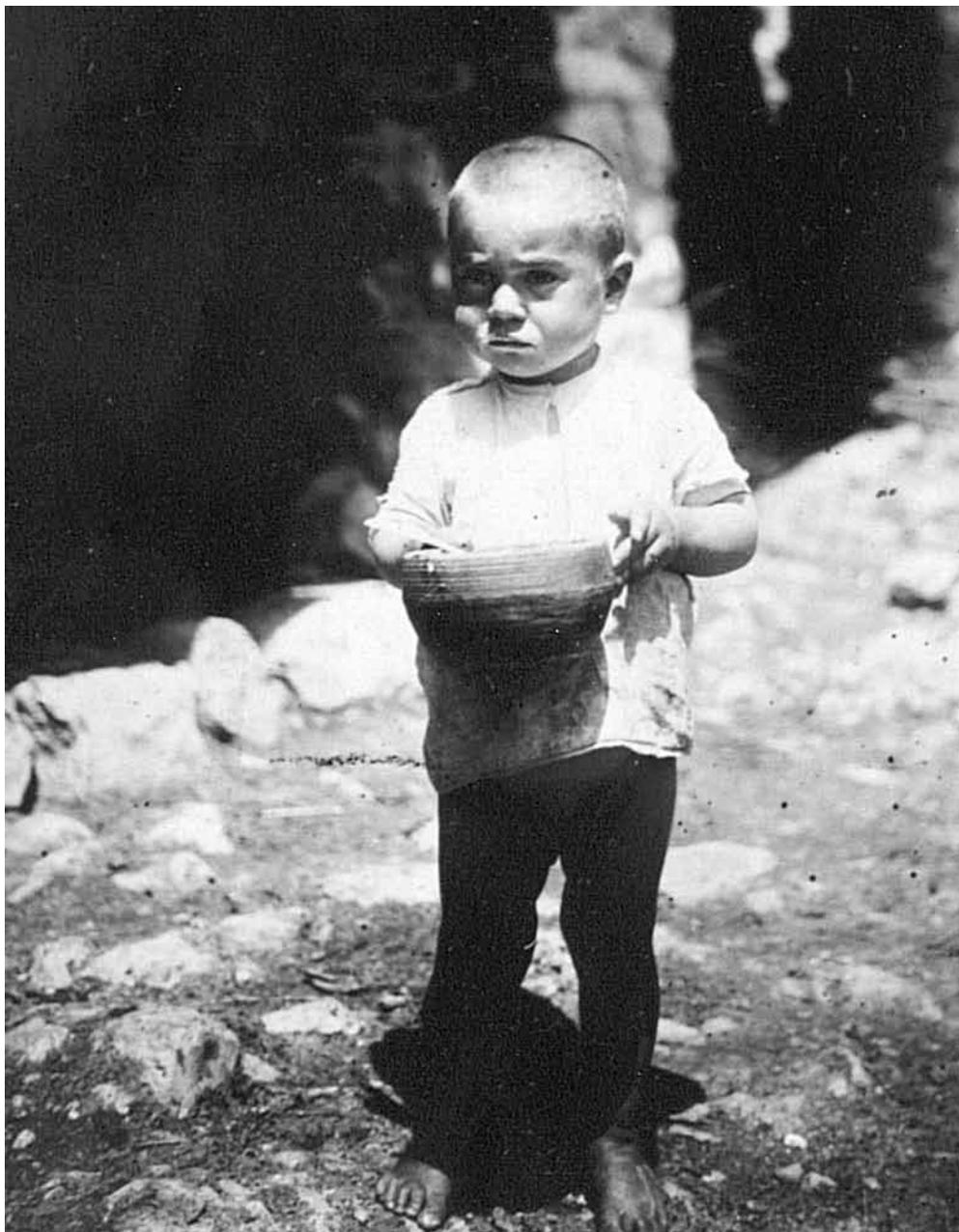

Рис. 22. Мальчик. Мтиулети. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-68

В Мтиулети к началу XX в. обычай *бослоба* сохранялся только в самых отдаленных районах, например в Гудамакари. В *босели* женщина находилась семь недель, но уже не с такими жесткими ограничениями, как в Хевсурети. Уже через неделю после родов приглашали священника. Подойдя к *босели*, он кропил женщину святой водой, после чего та могла выходить из *босели*, ходить за водой, ухаживать за скотом. Родственники навещали семью, где родился ребенок, приносили подарки — *мосанахи*: араку и различные продукты. Через

месяц после рождения ребенка производили освящение дома — *сахлис ганат-вла*: священник святой водой кропил дом и все дороги вокруг него. Через семь недель женщина купалась в реке, священник вновь кропил ее святой водой, и она могла уже вернуться в дом [Макалатия 1930: 120; Кайшаури 1967: 131,157].

В Хеви роды проходили в жилом помещении, там же находилась женщина и весь последующий период, соблюдая обычные в этом случае ограничения: в течение месяца не прикасалась к продуктам, не входила в кладовую, где они хранились, не пекла хлеб. Пока священник не освящал дом, вся семья считалась оскверненной и не имела права входить в *хати*, чтобы не рассердить божество [Макалатия 1934: 167]. Таким образом, в Хеви, в отличие от других горных районов, представления о «нечистоте» роженицы не были столь сильными, присутствие ее в доме не считалось губительным для благополучия семьи, в связи с чем не было обычая ее изоляции.

Одной из характерных черт традиционно-бытовой культуры каждого народа является обрядовое оформление важнейших событий в жизни человека. Период детства в этом отношении очень интересен, поскольку обрядовая сторона жизни ребенка чрезвычайно богата. У грузин исследуемого региона воспитание детей также сопровождалось выполнением сложного комплекса обрядов.

Важным моментом считалось первое укладывание в колыбель (*аквани*). Оно, как правило, сопровождалось определенными магическими действиями, призванными обеспечить благополучие ребенка.

В горных районах, например в Мтиулети, ребенка впервые укладывали в *аквани* во вторник или среду (эти дни считались спокойными, счастливыми). Старшая женщина семьи ставила в угол дома пирог-*када* для ангела дома, со свечой в руке молилась ангелу дома и фамильному святилищу (*горис джвари*) о том, чтобы ребенок вырос и был здоров, разрезала *када* на части по числу членов семьи, и все угощались. Перед укладыванием люльку обносили вокруг огня, чтобы ребенка не преследовали злой ветер и *ужмури*. В Хеви в этот день тоже пекли *када*, готовили сладости. *Аквани* обносили вокруг огня, клали в головы, посредине и в ногах хлеб. Старшая женщина семьи прикрепляла к люльке зажженные свечи и молилась ангелу дома и святилищу [Мачавариани 1957: 256].

Различными магическими действиями сопровождалось и другие события, впервые происходящие в жизни ребенка.

В Хевсурети, увидев ребенка впервые, его осеяли крестом и благословляли. В Мтиулети тот, кто видел новорожденного первый раз, отрывал клочок от своей одежды, клал ему под голову (видимо, это делалось, чтобы отвести от себя подозрения в глазе) и говорил: «Святой Гиварги (т.е. Георгий) осенит тебя крестом, как я хочу, как я желаю, мой сон тебе, твои беды мне, покой тебе, сон и покой дай Бог, рост и покой» [Мачавариани 1957: 257].

В Мтиулети, заметив появление зуба, выпекали лепешку-*квери* и благословляли ребенка: «Пусть на здоровье будет этот зуб» (*мишвидоба кбило*). В Хеви, Хевсурети пекли *када* или *кубати* (лепешку, по форме напоминающую серп луны) и отдавали их тому, кто первый заметил появление зуба. Чтобы у ребенка вовремя прорезались зубы и их появление не сопровождалось болью,

в Хевсурети и Мтиулети из дома, где имелся «беззубый младенец», после захода солнца никому не давали огня. Если в этом была крайняя необходимость, то взявший огонь бросал один уголек обратно в очаг и говорил: «Осеняю ребенка крестом, я вернул огонь» [Степанов 1894: 86; Тедорадзе 1941: 159; Балиаури 1938: 162].

Когда выпадал молочный зуб, выполняли определенные магические действия, чтобы новые зубы росли крепкими, чтобы жизни ребенка ничто не угрожало. В Хевсурети ребенок, закрыв глаза, старался забросить зуб подальше, при этом трижды повторял: «Пока тебя не увижу, буду жив. Пока тебя не увижу, не постарею, не умру» [Балиаури 1938: 178].

В горных районах кроме крестильного имени (*натлобис сахели*) могло быть еще несколько имен. Как отмечалось в конце XIX в., «хотя хевсурам и пшавцам при крещении даются имена святых, но, по издавна принятому обычаю, они переменяют эти имена на новые, причем бывает, что одно и то же лицо имеет четыре нехристианских имени» [ЦИАГ. Ф. 493. Д. 846. Л. 32 об.].

В Хевсурети ребенка обязательно нарекали «именем святилища» (*джварис сахели*). Мать давала ребенку это имя в первые же дни его жизни, так как оно считалось надежной защитой от злых духов. Мальчикам давали имена Георгий (Гиорги, Гиорга, Горги) или Гвтисо (Хтисо, Хтиса, Хтисика), девочкам — Мзекали (Мзекала), Самдзимари (Дзила, Дзило, Дзилукаи) и Ашекали (Ашека) [Бардавелидзе 1949: 151].

Существовал обычай наречения ребенка «именем души» (*сулис сахели*). Происходило это следующим образом. Если маленький ребенок часто плакал, был неспокоен — обращались к гадалке. Та определяла, какой из покойников «требует» назвать ребенка своим именем. Узнать это родители могли также, увидев во сне, что какой-то покойник сел у колыбели и качает ее. Бывало и так: ребенок, уже умеющий говорить, называл имя какого-нибудь покойника, и это считалось знаком, что ребенка надо назвать его именем.

В Хевсурети для наречения «именем души» мать ребенка выпекала особый хлеб — *сахелсадеби пуреби*, т.е. хлеб для наречения имени, готовила кушанья. По народным представлениям, ими должен был угощаться покойный, именем которого называли ребенка. Затем мать произносила следующую молитву: «Эта табла (т.е. столик с угощением) да будет тебе на пользу, будет принадлежать тебе. Пусть твой тезка (*месახеле*) будет иметь добрую судьбу, добрую участь. Когда станет взрослым, пусть тебя помнит, тебя поминает. Если лично будет тебе войти в мой дом, эта табла да будет благодатной для тебя». Именем души называли как девочек, так и мальчиков, причем в Хевсурети обычно детям давали имена покойников-родственников, в редких случаях — односельчан. Существовало убеждение, что ребенок, названный именем покойного, приобретал некоторые его черты: походил на него характером, поведением, походкой, а также являлся как бы его «заместителем» на земле. Поэтому родственники умершего могли даже обращаться к ребенку (вне зависимости от его возраста) так, как они обращались бы к своему покойному родственнику: «мама» (*деда*), «брат» (*дзмао*) и т.д. Члены семьи покойного на Новый год приносили такому ребенку как самому близкому своему родственнику гостинцы — араку и «лепешку судьбы» (*бедисквери*) [Важа Пшавела 1964:

68; Балиаури, Макалатиа 1940: 42; Балиаури 1938: 168–171; Бардавелидзе 1949: 154]. Случалось, что и после наречения именем души ребенок продолжал плакать, капризничать. Причину этого видели в том, что еще один покойник претендует на то, чтобы его именем назвали ребенка. Нередко мать видела во сне, как этот второй покойник отстранял первого от колыбели ребенка, говоря: «Уходи отсюда, этот дом принадлежит мне, у тебя здесь нет дел», — или упрашивал его: «Молю тебя, уступи мне этот дом. Уходи отсюда». Такому сну, как правило, верили и давали ребенку новое *сулис сахели* [Балиаури 1938: 169–170]. Обычай давать детям имена умерших родственников был известен и другим народам Кавказа и, видимо, генетически был связан с культом предков [Зеленин 1930: 119]. Таким образом, нередко ребенок имел несколько имен: по крещению, имя души и имя святилища, причем первое забывалось чаще остальных [Зубарев 1841: 527].

Большое значение придавалось тому, кто впервые обрезал ребенку волосы и ногти, так как считалось, что таланты и способности этого человека передадутся и ребенку. В Хевсурети обрезанные ногти бросали за ворот надетой на ребенка одежды и тот, кто их обрезал, говорил: «Ты будешь обрезан, я же буду расти».

У грузин Хевсурети первая стрижка волос мальчика сопровождалась особым обрядом (для девочек его не выполняли), называвшимся *тавмасанарсав сахмто* — «жертвоприношение богу по случаю стрижки головы», часто его называли короче — *тавмасанарсо* или *сахмто*. Исполнялся он, когда мальчику было от трех до пяти лет. По свидетельству Г. Тедорадзе, нередко его приурочивали к одному из поминальных дней, причем обязательно в начале нечетного года. До этого времени волосы только подравнивали, когда они дорастали до глаз, — считалось, если ребенок увидит *намуцлави тма* (волосы, с которыми он родился), у него будет «дурной глаз». Мальчику волосы всегда обрезал мужчина, при этом на затылке у него оставляли нетронутую одну прядь — *кучула*. При обрезании волос девочке, по представлениям хевсур, никакого значения не имело, кто и когда это делал. Волосы девочки выбрасывали, мальчика же — хранили в таком месте, где на них «никто не ступил бы ногой» [Тедорадзе 1941: 96].

При подготовке к *тавмасанарсо* в семье мальчика варили пиво, гнали араку. Родственники и знакомые тоже готовили к этому дню араку, чтобы не идти в гости с пустыми руками. Медный кованый котел для варки пива можно видеть на фотографии Е.М. Шиллинга из селения Акушо (рис. 23). В селении Кобуло Л.Б. Панек удалось запечатлеть специальное строение *салуде* (букв. «для пива»), где варили пиво и гнали араку (рис. 24), а также сам процесс приготовления пива в медном котле (рис. 25).

На *сахмто* приглашали родственников, друзей, односельчан. Вечером, когда все приглашенные собирались, слугитель джвари открывал чан (*коди*) с пивом, прикреплял к нему свечи, клал рядом хлеб «для освящения *коди*» (*код-самкуртхевло*), наливал пиво в специальный котел (*сацде*). Присутствующие слушали молитву стоя, мужчины при этом снимали шапки. После завершения молитвы все садились за стол. Один из молодых людей брал зажженную *келантари* (толстую свечу, свитую из нескольких свечей) и чашу с пивом и обносил

Рис. 23. Мужчина у медного кованого котла для варки пива к религиозным праздникам. Негатив на стеклянном носителе. Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-141

по очереди всех присутствующих — сначала мужчин, потом женщин. Держа в руках чашу и *келантари*, каждый должен был произнести здравицу в честь мальчика, для которого справляли *сахмто*, например: «Да помилует, да поможет тебе великий благословенный сахмто-саведребело, даст тебе счастливую жизнь, добрую участь-судьбу. Да поможет, да поддержит тебя великий сахмто-саведребело, вырастит тебя на благо отца и матери. Чего просит родительское сердце у благословенного сахмто и святилища, пусть то и свершится. Мать

Рис. 24. Селение Кобуло — домик *салуди* для варки пива и араки.
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-18

и отец! Господь и великий сахмто сделают его вашим защитником, дадут ему похоронить вас. Пусть радуется он ваше сердце. Вырасти его таким, великий сахмто, сделай его победителем, приносящим горе и беспокойство врагу, милым для родителей, радостью и гордостью села и общины».

На следующее утро на крыше дома закалывали жертвенных животных: барана (*сахмто*, т.е. «для Гмерти») и козла (*саквирао*, т.е. «для Квириа»). Таким образом, обряд стрижки волос включал в себя принесение жертв в честь двух

Рис. 25. Селение Кобуло — варка пива в медном котле.
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-28

божество, поэтому его иногда называли также *сахмто-саквирао*. Присутствовавшие вновь благословляли ребенка и его родителей: «Да будет милость сахмто-саведребели, да вырастит его, даст ему потомство. Господь и великий сахмто дадут ему добрую судьбу-участь. Пусть они много раз приведут нас в этот дом на сахмто, на стрижку волос мальчикам». Когда благословение завершалось, один из мужчин (как правило, для этого выбирали неженатого человека) сбрасывал ребенку волосы. Если мальчику еще не было пяти лет, его не брили наголо, а только выбривали на голове крест, так как до исполнения пяти лет не разрешалось оголять голову мальчика. Во время стрижки все снова молились о том,

чтобы бог дал ему «добрую судьбу». Срезанные волосы мать хранила, а впоследствии их клали с ней в могилу. После окончания стрижки гостей угощали вареным мясом, и на этом *сахмто* завершалось [Балиаури 1938: 177, 207–212; Габуури 1925: 130–131; Долидзе 1975: 36, 37, 54; Харадзе 1941: 23–24].

Когда ребенку исполнялся год, в горных районах (Мтиулет, Хеви, Хевсурети, Тушети) устраивали своеобразное гадание о его дальнейшей судьбе. В Хевсурети это называлось *дачвенеба* («показ») или *иарагши часма* («сажание среди орудий»). Вокруг ребенка раскладывали: для мальчика — нож, кинжал, ружье, лук и стрелы, пандури, серп, топор, хлеб; для девочки — принадлежности для рукоделия — чесалку, прялку, ножницы, веретено, одежду, шерсть, хлеб. Считалось: до чего ребенок дотронется, то и определит его судьбу, принесет ему удачу, укажет на его интерес к соответствующим занятиям в будущем. Например, хевсуры считали, что если ребенок возьмет ружье — из него выйдет хороший охотник и враг «неверных», если кинжал или саблю — будет защитником от внутренних врагов, смельчаком, возьмет пандури — научится петь, будет веселым человеком, сочинителем *шаири*, хлеб — будет богатым, гостеприимным, неутомимым в работе. В Тушети рядом с мальчиком обязательно клали шерсть и очень радовались, если ребенок брал ее в руки — это предвещало, что он станет умелым пастухом [Мачавариани 1957: 259; Гогоберидзе 1967: 228; Балиаури 1938: 216–217]. В Хевсурети в начале XX в., когда обряд стрижки волос иногда стал проводиться в более раннее время — в годовщину ребенка, оба обряда — *тавмасанарсо* и *иарагши часма* — нередко устраивали в один день [Габуури 1925: 130; Камараули 1929: 93; Тедорадзе 1941: 96].

Одним из основных условий успешного развития ребенка считалось правильное кормление, которое производилось с соблюдением ряда традиционных норм.

В горных районах кормили грудью не менее двух-трех лет, а нередко и дольше [ЦИАГ. Ф. 1753. Д. 120, Л. 83; Тедорадзе 1941: 46, 159]. Особенно долго кормили мальчиков. Так, по хевсурским материалам, девочку кормили два года, самое большее два с половиной, мальчика же — три, а то и четыре года. Повсеместно существовало убеждение, что чем дольше ребенка кормят грудным молоком, тем здоровее и крепче он будет. Поэтому, если рождался «желанный» сын, его нередко «на радостях» кормили грудью до пяти-семи лет. Хевсурка говорила в этом случае: «Столько времени буду кормить грудью, чтобы, устав от игры с детьми, прибежал ко мне, пососал грудь, а потом опять убежал играть с луком и стрелами» [Балиаури 1938: 173]. Один из авторов в 1880-е годы отмечал: «Странно видеть, что иногда взрослый ребенок с куском хлеба в руках бежит за матерью и просит покормить его грудью» [Покровский 1884: 277].

Грузины Хевсурети с молитвами о том, чтобы у кормящей женщины было много молока, обращались к Хахматскому святилищу [Бардавелидзе 1928: 276].

С первых дней жизни ребенка самое большое внимание уделяли его воспитанию, в первую очередь физическому развитию и приучению к труду. Мальчики самостоятельно выполняли посильную работу, например привозили из леса хворост и дрова, как это можно увидеть на фотографии Л.Б. Панек (рис. 26). С шести-семи лет мальчики все чаще помогали мужчинам семьи во всех полевых работах, например сопровождали взрослых во время пахоты (рис. 27).

Рис. 26. Мальчик, везущий дрова. Негатив на стеклянном носителе.

Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-26

В районах, где преобладало овцеводство, сложилась продуманная система обучения этой отрасли хозяйства. Например, в Тушети с восьми-девяти лет отец брал мальчика с собой на пастбище, чтобы тот привыкал к пастушеской жизни. Мальчики сторожили жилища пастухов, толкли соль для сыра, носили воду, пасли хромых овец. Затем их посылали помогать опытным пастухам, и те учили их пасти овец, определять время пригона стад в кошары, намечать марш-

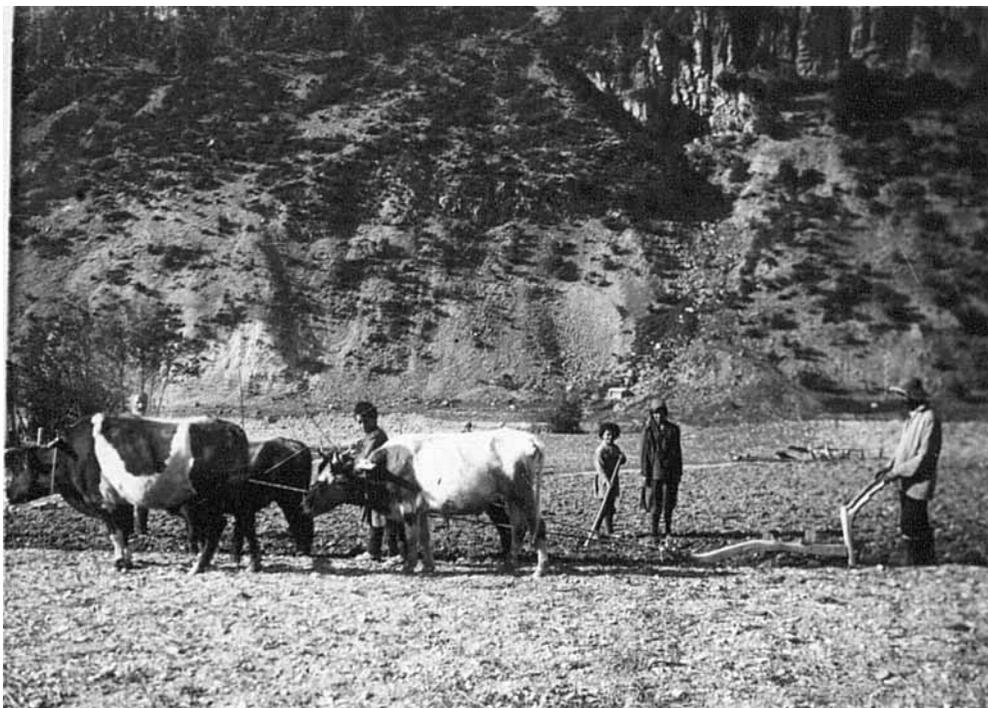

Рис. 27. Селение Млета — пахота. Негатив на стеклянном носителе.

Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-55

руты движения стада в течение дня, время и место отдыха, водопоя. С 15 лет мальчиков приучали к доению овец, с 16–17 лет учили стричь овец. Лет в двадцать юноша считался уже настоящим овчаром. Такое же большое внимание уделяли обучению мальчиков овцеводству в Пшави и Хеви [Харадзе 1960: 117–119, 147; Итонишвили 1970: 89].

Трудовое воспитание девочек начиналось в раннем возрасте. Уже с пяти-семи лет они помогали матери по дому: следили за чистотой, подметали пол, мыли посуду, вместе со старшими сестрами или матерью ходили за водой, присматривали за младшими детьми, бегали с поручениями к соседям. Например, Г. Радде относительно хевсур отмечал, что девочка, как только она немного подрастала, принимала участие «во всех домашних занятиях», в частности в ее обязанности входило приносить воду из ручья, собирать коровий навоз и делать кизяк» [Радде 1881: 77]. По фотографиям из коллекции Л.Б. Панек видно, что девочки постоянно сопровождали своих матерей, наблюдали за их работой и таким образом постепенно осваивали азы ремесла, начинали свою трудовую деятельность. Так, в мохевском селении Казбеги дети и подростки помогали в витье веревок (рис. 28). На двух других фотографиях маленькие дети наблюдают за матерью, которая прядет шерсть (рис. 29, 30).

Важное место в воспитании подрастающего поколения занимали игры, способствовавшие физическому развитию, в частности игры «военного» направления, когда дети учились обращению с оружием: луком и стрелами, самострелом, пращей. По словам современника, «часто можно в грузинской деревне видеть толпу детей с луками за спиной, верхом на палках, сломя голову

Рис. 28. Витье веревок. Негатив на стеклянном носителе.
Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-78

несущихся к какой-либо поляне, где должна начаться стрельба в цель» [Гулисов 1886: 234]. Пращу (*шурдули, квиссролиа*) плели из шелковых или шерстяных ниток, иногда — из кожи и веревок, в Тушети делали из дерева, в Хевсурети плели из женских волос. С ее помощью дети сбивали орехи, плоды, охотились на птиц. В пограничных с Дагестаном районах Кахети, где постоянно существовала опасность набегов лезгин, по данным 1860-х годов, мальчиков с детства учили владеть холодным и огнестрельным оружием [Гогоберидзе 1976: 100; Документы по истории Грузии 1960: 23]. В коллекции Л.Б. Панек имеются фотографии из селения Кобуло, на которых изображены взрослые и дети, упражняющиеся в стрельбе из лука (рис. 31, 32), в коллекции Е.М. Шиллинга — сцена фехтования двух мужчин (рис. 33).

Особое значение военной подготовке мальчиков придавали горцы, что было необходимо в силу ряда причин: пограничное положение, соседство с Дагестаном, Чечней, существование института кровной мести. Это определяло «военную направленность» всего воспитания мужского населения горных районов [Элашвили 1973: 104]. Система «военного воспитания» сохранялась у хевсур вплоть до начала XX в. «С младенческих лет», по словам С.И. Макалатия, мальчики в Хевсурети носили кинжалы. С пяти-шести лет любимым их занятием было фехтование (*парикаоба, хмалаоба*). При обучении использовали специальное детское «тренировочное оружие» *сачвеви* (букв. «для приучения»): деревянный меч, щит, детские боевые кольца из проволоки (*нестари*), пращу, лук и стрелы. На фотографии Е.М. Шиллинга из селения Бло можно видеть двух мальчиков с кинжалами и игрушечным, сплетенным из веток щитом (рис. 34).

Рис. 29. Женщина прядет тонкую нить для материи.

Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-63/1

После тренировок на *сачвеви* постепенно переходили к применению настоящего оружия, и к 10–12 годам мальчики свободно им владели. Несмотря на это, еще два-три года они упражнялись на деревянном оружии, так как считалось, что для боевого они еще окончательно «не созрели». Лишь к 15 годам, проявив себя как хороший фехтовальщик, хевсур получал настоящее боевое оружие.

Рис. 30. Селение Кобуло — женщина за прядением нити.
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-21

Это событие отмечалось в семье особой церемонией: отец, снимая с себя оружие, вручал его сыну, символически передавая в его руки право и обязанность защищать честь семьи.

Обязательным элементом в воспитании мальчика в горных районах было также обучение верховой езде. Оно начиналось с восьми-десяти лет под наблюдением старших опытных наездников. С 12–13 лет мальчикам уже разрешали самостоятельно совершать длительные поездки [Ган 1900: 94; Макалатия 1940:

Рис. 31. Селение Кобуло — мужчина натягивает тетиву лука левой рукой. Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-31/1

193; Робакидзе 1952: 31; Циссаров 1849. № 12; Элашвили 1960: 14; 1949: 67]. Конь был необходим как главное средство передвижения по трудным горным тропам. На фотографии из коллекции Е.М. Шиллинга изображены два всадника в полном боевом снаряжении, со щитами, которые собираются в дальнюю дорогу (рис. 35).

Рис. 32. Селение Кобуло — мальчик стреляет из лука.
Негатив на стеклянном носителе. Л.Б. Панек. МАЭ РАН. Колл. № 3625-32

С раннего возраста требования к воспитанию мальчиков и девочек различались. Девочек стремились воспитать скромными, послушными родителям и братьям, умелыми и гостеприимными хозяйками, они росли под строгим надзором матерей. Мальчикам давали больше самостоятельности, росли они на совершенной свободе. Особое внимание мальчикам уделялось в горных

Рис. 33. Сцена фехтования. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-23

районах. Как отмечал Н. Хизанашвили, у хевсур «сыну оказывается больше уважения, чем дочери», по словам Г. Радде, «хевсуры не прилагают никакого старания к воспитанию женщин. Напротив того, мальчики воспитываются со тщанием» [Радде 1881: 78; Хизанашвили 1940: 45]. В Хевсурети мальчиков нередко даже кормили лучше, чем девочек, чтобы они росли более сильными и крепкими. По этому поводу хевсуры говорили: «Как бычку надо давать больше молока и больше ухаживать за ним, так и мальчик должен быть окружен большими заботами, видеть больше радости». Уже с трех-четырёх лет девочке внушали, что ей полагается быть терпеливой, послушной, покорной [Бакрадзе 1851: 185; Макалатия 1940: 193; Тедорадзе 1941: 158; Балиаури 1938: 232].

Мальчикам с детства старались привить самостоятельность, чувство собственного достоинства, стремились воспитать их сильными, ловкими, смелыми, чтобы они были готовы защищать свою честь и честь своей семьи. Старшие по возрасту общались с мальчиками как с равными, в высшей степени предупредительно: приветствуя, подавали руку, обращаясь к ним, вставали. Не возбранялось, если мальчик восьми-десяти лет вступал в разговор старших мужчин: его не прерывали, а со вниманием выслушивали. Стараясь во всем подражать взрослым, в Хевсурети лет с десяти мальчики уже обзаводились табакеркой и трубкой и начинали курить наравне с другими мужчинами [Важа Пшавела 1964: 49; Зиссерман 1879: 213; Макалатия 1940: 193; Радде 1881: 79].

Отец старался, чтобы сын чаще находился в обществе взрослых мужчин, слушал их беседы, «воспринимал принципы мужества и законы чести». Кроме того, мальчику предоставляли случай упражняться в «искусстве говорить», чтобы впоследствии он мог достойно поддержать беседу, «сказать приличное

Рис. 34. Мальчики в традиционных костюмах и с игрушечным щитом.
Негатив на стеклянном носителе. Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-81

похвальное слово в память храбрых мужей, умерших родителей» [Радде 1881: 78; Элашвили 1956: 10]. Мальчику полагалось знать обычаи, предания, уметь читать и слагать стихи. Своего рода школой для подрастающего поколения горцев было в Хевсурети *сапехно* — место, где мужчины ежедневно собирались в свободное время, особенно на праздники. Старикам там отводилось почетное место. Каждый, придя на *сапехно*, мог заниматься своим делом: плести веревку, чинить сбрую, приводить в порядок оружие. При этом рассказывали о событиях, произошедших в соседних селах, обсуждали возникшие вопросы,

Рис. 35. В дороге. Негатив на стеклянном носителе.
Е.М. Шиллинг. МАЭ РАН. Колл. № И-1789-44

пели героические песни. Старики рассказывали молодежи о прошедших временах, о том, что слышали от отцов и дедов. Слушая беседы старших, молодежь знакомилась с обычаями предков, усваивала общепринятые нормы поведения, запоминала старинные песни и стихи. Здесь же приобретались необходимые знания о разных ремеслах. Женщинам и девочкам входить в *сапехно* запрещалось обычаем. Параллели хевсурскому *сапехно* известны и в других горных районах Грузии (*эроба* — в Хеви, *бехвне* и *саанджмо* — в Тушети) [Гурко-Кряжин 1928: 17; Демидов 1930: 76; Чачашвили 1966: 19].

Представленные материалы характеризуют общие черты традиционной родильной обрядности и некоторые стороны этнопедагогики горных регионов Восточной Грузии, которые до середины XX в. во многом сохраняли значительное своеобразие. Следует отметить, что специфика традиционно-бытовой культуры грузинского населения этих регионов во многом была связана с той или иной степенью их удаленности, изолированности от равнинных регионов Грузии, которые усиливались в сложные периоды истории страны, когда происходили нашествия внешних врагов, что влекло за собой ослабление центральной власти и нарушение контактов между горными и равнинными регионами. Тем не менее обрядовые комплексы, свойственные горцам Восточной Грузии, безусловно можно считать одним из локальных вариантов общегрузинской традиционно-бытовой культуры. Это подтверждается сопоставлением традиционных обрядовых комплексов грузин-горцев с обрядностью грузин равнинных регионов Восточной Грузии [Соловьева 1995]. Имеющиеся в МАЭ РАН фотоколлекции, собиравшиеся которыми были Л.Б. Панек и Е.М. Шиллинг, позволяют получить более полное представление о том, в каких условиях воспитывались дети грузин-горцев, как проходило их превращение в полноценных членов общины, каковы были особенности окружавшей их традиционно-бытовой культуры. Фотоколлекции отражают и многие стороны бытовавшей в горной Грузии духовной культуры, в частности синкретичность религиозных представлений, характерных для горцев. Следует отметить, что многие из рассмотренных нами фотографий уникальны, поскольку отражают те стороны жизни горцев, которые к настоящему времени претерпели кардинальные изменения.

Библиография

- Багратиони Д.* История Грузии / текст изд. и снабдил статьей и указ. А.А. Рогова. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 272 с.
- Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни // Современник. 1851. Т. 25. № 1. С. 1–26.
- Балиаури М.* Рождение и воспитание ребенка в Хевсурети (Архотская община) и связанные с этим пережитки суеверий. 1938 г. // Архив отдела этнографии Грузии Института истории, археологии и этнографии АН Грузии. Д. М 1/12 (на груз. яз.).
- Балиаури М., Макалатиа Н.* Культ мертвых в Архотском обществе // МЭГ. Тбилиси: Изд-во Груз. филиала АН СССР, 1940. Т. III. С. 1–64 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.В.* Ритуал, связанный с рождением ребенка, в горной Картли // ВМГ. 1928. Т. 4. С. 235–278 (на груз. яз., резюме на фр. яз.).
- Бардавелидзе В.В.* Из истории религиозного мышления грузин (концепция множественности душ) // Мимомхилвели. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. Т. 1. С. 123–155 (на груз. яз.).
- Важа Пшавела.* Полн. собр. соч. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1964. Т. 9: Публицистика и этнографические статьи. 495 с. (на груз. яз.).
- Вахушти, царевич.* География Грузии / Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1904. XLIX, 241 с. (Записки Кавказского отд. Русского географ. о-ва. Кн. 24. Вып. 5).
- Габуури Б.* Хевсурские материалы / Под ред. А. Шанидзе // Ежегодник Грузинского лингвистического общества «Целицдеули». Тбилиси, 1925. Вып. I–II. С. 119–330.
- Ган К.Ф.* Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей // Кавказский вестник. Тифлис: скоропечатня М. Мартиросянца, 1900. № 4. С. 93–110.
- Гигинейшвили И.М., Топуриа К.Т., Кавтарадзе И.И.* Грузинская диалектология. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1961. Кн. 1: Краткий обзор диалектов грузинского языка. Тексты. Лексикон. 736 с. (на груз. яз.).

Гогоберидзе Н.С. Народные детские игры в горных районах Грузии // КЭС. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 99–106.

Гогоберидзе Н.С. Тушинские детские игры, развлечения и игрушки // Материалы по этнографическому изучению Тушети. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 228–263 (на груз. яз.).

Гулисов З. Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // СМОМПК. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1886. Вып. 5. С. 230–262.

Гурко-Кряжин В.А. Хевсуры. М.: Изд-во Всесоюзной научной организации востоковедов, 1928. 40 с.

Демидов Г. В ущельях первобытной Грузии. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. 159 с.

Документы по истории Грузии / Под ред. Ш.К. Чхетия. Тбилиси: [б. и.], 1960. Сер. II. Т. I. Ч. 2. XXV, 949 с.

Долидзе Г.Г. Хевсурские тексты (со словарем). Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1975. 130 с. (на груз. яз.).

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 1. Запреты на охоте и иных промыслах. Л.: [б. и.], 1929. 151 с.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1–2. СПб.: тип. А.В. Суворина, 1879. Т. 1. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1851. 424 с.

Зиссерман А. Очерки Хевсурии // Кавказ. 1851. № 23–24.

Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушеттию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. 1841. Т. 2. № 6. С. 509–678.

Итоншивили В.Д. Семейный быт мохевцев. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970. 126 с. (на груз. яз.).

Кайшаури Л.Г. Мтиульские тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 278 с. (на груз. яз.).

Кайшаури Л.Г. Отраслевая лексика мтиульского диалекта. Тбилиси: Мецниереба, 1967. 255 с. (на груз. яз.).

Камараули А.Я. Хевсурия. Тифлис: Культ. общ-во горцев Грузии, 1929. 183 с.

Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 260 с.

Макалатия С.И. Мтиулет. Тбилиси: Сахелгами, 1930. 192 с. (на груз. яз.).

Макалатия С.И. Пшави. Тбилиси: Сахелгами, 1934. 240 с. (на груз. яз.).

Макалатия С.И. Тушети. Тбилиси: Груз. Географическое общество, 1933. 225 с. (на груз. яз.).

Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940. 225 с.

Макалатия С.И. Хеви. Тбилиси: Сахелгами, 1934. 288 с. (на груз. яз.).

Мачабели М.В. Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1887. Т. V. С. 315–350.

Мачавариани Е.Д. Воспитание ребенка в Мтиулет. // Вестник Государственного музея Грузии. 1957. Т. XIX — XXIV (на груз. яз.).

Очиаури А.А. Обычай гостеприимства в Хевсурети. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 255 с. (на груз. яз.).

Панек Л.Б. Жилище мтиулов // Сборник МАЭ. Т. IX. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 237–266.

Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М.: тип. А.А. Карцева, 1884. 380+IV с.

Радде Г. Хевсурия и хевсуры. Опыт монографии. Описание путешествия, совершенного летом 1876 г.: Пер. с нем. Тифлис: тип. Гл. упр. наместника кавк., 1881. 344 с. (Записки Кавказского отд. Русского географ. о-ва. Кн. 11. Вып. 2).

Робакидзе А.И. Цхенбурги: Историко-этнографический очерк. Тбилиси: Сахелгами, 1952. 62 с. (на груз. яз.).

Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.

Степанов И. Приметы и поверья грузин Телавского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1894. Вып. 19. С. 124–143.

Тедорадзе Г. Пять лет в Пшавии и Хевсуретии: Пер. с груз. Тбилиси: Заря Востока, 1941. 164 с.

- Утургаидзе Ф.Г.* Тушинский диалект грузинского языка. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1960. 236 с. (Труды кафедры древних языков. Т. 6) (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* Грузинская семейная община: В 2 ч. Тбилиси: Заря Востока, 1960. Ч. 1. 191 с.
- Харадзе Р.Л.* Предварительный отчет о командировке в Пирикитскую Хевсуретию // ИИЯИМК. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1941. Т. XI. С. ?-?. (на груз. яз.).
- Хаханов А.С.* Тушины // ЭО. 1889. Кн. II. С. 40-62.
- Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии // МЭГ. Тбилиси: Изд-во Груз. филиала АН СССР, 1940. Т. 2 (на груз. яз.).
- Хубутиа П.* Тушинский диалект: Лексика. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1969. 210 с.
- Худадов В., Демидов Г.* Грузинка / Под ред. В.А. Гурко-Кряжина. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1928. 48 с. (Труженица востока).
- Цискаров И.* Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 8.
- Чачаивили Г.А.* Хевсурский сапехно // Дзеглис мегобари. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1966. Вып. 7. С. 19-23 (на груз. яз.).
- Чинчараули А.Л.* Особенности хевсурского диалекта грузинского языка: С текстами и индексом. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960. 86 с. (на груз. яз.).
- Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913. 189 с.
- Элашвили В.И.* Грузинский народный спорт: План-конспект лекции. Тбилиси: [б. и.], 1956. 25 с.
- Элашвили В.И.* Сатитени (хевсурские боевые кольца). Тбилиси: тип. Трансжелдор-издата, 1960. 56 с.
- Элашвили В.И.* Традиции грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 307 с.
- Элашвили В.И.* Фехтование в системе военно-физического воспитания грузин // КСИЭ. 1949. Вып. 8. С. 64-68.
- Эриксон Э.В.* Тионеты и их окрестности // МСКМО. 1902. Вып. 64. С. 1-68.
- Эристов Р.Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: тип. Канцелярии Наместника Кавказского, 1855. Кн. 3. С. 75-146.